

Публичное высказывание: эпистемические фильтры и экология мышления

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

АЛЕКСАНДР МАРКОВ. Кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по научной работе факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета.
Адрес: 125267, Москва, Миусская пл., 6.
E-mail: markovius@yandex.ru.

Ключевые слова: социальная эпистемология, истина, экологическое сознание, публичность.

Проверка истинности публичного высказывания затруднена как по причине неконвертируемости в знание сообщества, так и из-за слишком широкого ассоциативного поля при использовании новых моделей кодификации знания. Рост производства знания приводит к тому, что сама производительность, а не традиционные практики различия превращаются в критерий достоверности. Старые практики различия превращаются в перебор частных высказываний, тогда как общим высказыванием о достоверно познаваемом становится высказывание «экологического» типа, обеспечивающее системное равновесие между «допустимыми ошибками» и «восстанавливаемой достоверностью». В статье предлагается описание эпистемических фильтров, освобождающих понятия о «достоверности» и «ошибочности» от инерции обыденного понимания.

PUBLIC DECLARATION:
EPISTEMIC FILTERS AND
ECOLOGY OF MIND

ALEXANDER MARKOV. PhD, Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of History of Art of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
Address: 6 Miusskaya sq., Moscow 125267, Russia.
E-mail: markovius@yandex.ru.

Keywords: social epistemology, truth, environmental thought, publicity.

Testing true public presentation is difficult both due to the non-convertibility of community knowledge, and to the broad associative field, after the use of new models of knowledge codification. In today's world, increased production of knowledge leads to the fact that the performance itself, rather than the traditional practice of the differences, become the criterion of authenticity. The old practice of differences becomes private utterances, while the general statement of authentically knowable will derive from 'environmental' type, systematically providing a balance between 'permissible error' and 'restitutable certainty'. In the article we give the description of epistemic filters, releasing the concept of 'authenticity' and 'falsity' from the inertia of ordinary understanding. The truth of the public presentation can be established through the creation of communities of knowledge, and new poetics of knowledge.

ГРАНИЦЫ публичного высказывания за последние сто лет несколько раз переопределялись. В настоящее время ни одно публичное высказывание не может игнорировать парадокса, который можно назвать парадоксом «Википедии». Он формулируется следующим образом: наиболее полный источник воспринимается и как наиболее достоверный. В некоторых случаях возможно даже установить корреляцию между социальным признанием такого источника и динамикой его пополнения, хотя разработка соответствующей методологии — дело будущего. Простой пример: несколько лет назад ссылка на «Википедию» выглядела дурным тоном, ссылка на некодифицированный источник была заведомо слабее ссылки на кодифицированный, бумажную или авторизованную электронную энциклопедию. Но «Википедия» растет быстрее обычных энциклопедий, и значит, скорее приходится проверять другие источники, исходя из ее содержания. Таким образом, источник, проверка достоверности которого была изначально затруднена, в настоящее время воспринимается как достоверный, более того, выработавший внутри себя те механизмы экспертизы, которых не знает институционально громоздкое кодифицированное знание.

Исходя из этого можно предположить, что в скором будущем тексты вроде статей «Википедии», станут универсальными текстами, создающими реальность, а не только позволяющими ее интерпретировать. Создание статьи в «Википедии» будет тождественно верификации сообщаемых в ней сведений, а функционирование самого ресурса и его статей станет производством ре-

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00494 «Непереводимости в европейских философиях: границы непереводимости понятий».

альности, так как любое достоверное знание будет сравниваться с данными «Википедии» же. Таким образом, станет возможным порождение знания, во всем «правдоподобного» и при этом либо полностью правдивого (отвечающего предмету), либо полностью ложного. В последнем случае знание будет отвечать только ложным ассоциациям, неточно сформулированным понятиям или изъянам нормативного научного языка — все эти обычно маскирующие здравый смысл, незаметные дефекты будут разрастаться, задавая ритм и норму деформации семантических средств.

Этот процесс представляется нам двойственным. С одной стороны, и каноническая кодифицированная наука допускает определенные смысловые зазоры, противоречия, связанные с нехваткой выразительных средств или концептуальными недоработками. Иногда она даже обращается к публике с предложением осваивать на просторах Интернета ту литературу, которая заполнит описанные разрывы своим качественным разнообразием, буйством видов. Особенно отчетливо это видно в отечественной традиции, где сохраняется запоздалая ориентация гуманитарного высказывания на нормы производства естественных наук. «За последнее время вышло много отечественных и переводных работ, большая часть из которых размещена в Интернете»¹ — так завлекает читателей новая «Всемирная история», свод строго отобранного знания.

Так же точно критики Интернета из отечественной академической среды осуждают не недостоверность информации или ее чрезмерную подверженность искажениям, но, напротив, сами методы защиты от повреждений. По их мнению, это приводит к тому, что некоторой предназначенной для публичного распространения информации придают намеренную неполноту и нерочитую фрагментарность, чтобы читатель обратился к подлинным источникам, текст которых защищен от искажений. Вне зависимости от того, насколько верен такой анализ, симптоматичен уже сам ход мысли: оказывается, для того, чтобы создать достоверный текст, необходимо максимально расширить пространство недостоверности, зону провалов и пробелов в мысли, в которые проваливается тот, чьим телом не стал опыт предельно нормированного чтения. Кто не обзавелся инструментами непрерывно производящихся и производящих текстов, следующих некоторым академическим канонам, тот уже не сможет продрасться через дебри вторичных источников.

С другой стороны, превращение интернет-источника в основное поле референции, основное поле отсылок и указаний, ме-

1. Всемирная история: в 6 т. / Под ред. П. Ю. Уварова. М.: Наука, 2012. Т. 2.: Средневековые цивилизации Запада и Востока. С. 7.

няет свойства самого источника. Он воспринимается уже не как механизм производства квалифицированного знания, но как констатация простого присутствия знания в его самодовлеющей непроизводительности². Такое знание позволяет квалифицировать наши интенции по отношению к нему самому, нести в себе различные коммуникативные послания, направленные как из социальной ситуации к когнитивной, так и из когнитивной ситуации в социальную, но не может уже быть увидено как часть производства знания.

Получается странная перспектива разделения между зеркальным и зазеркальным мирами: миром производства знания со вполне устойчивыми этическими и конвенционально-языковыми правилами отделения истинного знания от ложного и миром распространения знания, в котором непрерывность его существования и легитимация собственной документальностью лишь и производит социальную легитимацию в «непроизводящем сообществе». Получается, что распространение знания — это не спонтанный процесс, всякий раз контролируемый суждениями здравого смысла, вкуса или понимания, но плановый и при этом бесконтрольный. Лучшим подтверждением этому служит популярность фальшивых знаний: фотомонтажа, газетных уток и т. п.

Конечно, механизмы городских слухов весьма устойчивы, но при одном важном «но»: распространяясь, городские слухи становятся маркером идентичности. Неуверенно чувствующий себя горожанин готов поверить в худшие сценарии или, наоборот, прельститься ложной надеждой. Он верит слухам не потому, что не имеет достаточного аппарата суждений для их проверки, но потому, что разделяет один строй суждений со своими соседями. Он судит о вещах так, как ему привычно судить со своей социальной позиции, поэтому слухи окраин и слухи центра, слухи различных классов и страт практически не пересекаются. Новое же знание, разделяемое людьми как то, что не может разделяться самими событиями (стать предметом долевой ответственности или совместного программирования самих событий, внутри самих событий), оказывается действительно общим, гомогенным знанием для всех. Сдерживающие механизмы — в этом случае механизмы критического суждения внутри предметной логики, исходящей из предметных средств и целей, — становятся тогда более чем случайными. Наравне со «спонтанным проявлением доброты» теперь можно говорить и о спонтанном (*random*) проявлении критического суждения в отношении ложной информации.

2. Nancy J.-L. La communauté désœuvrée. P.: Christian Bourgois, 1983.

Если переводить все сказанное на язык эпистемологических программ, то можно сказать, что на уровне создания знания присутствует сильная эпистемология, а на уровне распространения и нормативизации знания — слабая. Но именно здесь мы подходим к важнейшей особенности экологического сознания. В современном мире (если говорить именно о «среднем уровне» восприятия, а не об интеллектуальной истории наших дней) доказательство в экологической аргументации строится на основании многочисленности выявленных эффектов. Если эффект единичен, то он может быть отринут как случайный, а если он постоянен, то речь должна идти уже о полицейских, а не об экологических мерах. Таким образом, ситуацией, когда «и так все ясно», выступает лишь случай тотального эффекта, когда всякое действие в данном месте, или в данное время, или в данном модусе наносит вред окружающей среде. Тогда как в остальных случаях действует доверие экспертному знанию, которое может быть поставлено под вопрос, только если эффекты редки.

Иначе говоря, структура аргументативного поля не ставит доказательность в прямую корреляцию с очевидностью. Как — вольно или невольно — в случае подозрений о намеренной порче текста в Интернете ради сохранения «тайн науки», так и в случае экологически неблагоприятных эффектов конечный адресат сообщения (гражданин, от которого и зависит принятие экологических решений) ориентируется не на специфическую аргументацию науки, а на сохранение тотальности и неиспорченности знания. И эта тотальность знания оказывается и тотальностью очевидности: всем видно то, что доказывает наука.

Поэтому случаи, когда доказательств недостаточно или не все они очевидны, могут в когнитивном плане ответвиться в двух направлениях. Либо изменится представление о науке, которая станет восприниматься как аргументативная практика, как построение системы сложных доказательств, как внутренний диалог и испытывающее себя внутреннее несогласие. Либо же изменится представление о самом факте, и будет казаться, что любой факт на самом деле скрывает за собой некие тайные факты. Будет казаться, что последующая рецепция фактов затемняет то, что факт говорит о себе под влиянием науки, превратившись в производящую механику доказательства. Именно такую производящую механику доказательства можно усмотреть, например, в аргументации противников ГМО — хотя ни один отрицательный эффект от ГМО не доказан, тем не менее сами процедуры обработки и представления лабораторных данных, которые мы имеем в случае ГМО, воспринимаются как затемнение неких кричащих очевидностей. А эти кричащие очевидности должны произойти из самого наличного состояния фактов, которые постоянно нака-

пливаются, наблюдаются (хотя бы бóльшая часть этих фактов — это просто наличие ГМО) и тем самым «говорят сами за себя».

Но в такой же тупик гиперкритичности, основанной не на исторической недостоверности фактов (как в гиперкритическом подходе историков XIX века), но на несовместимости разделяемого знания и экспертного знания, заходят и в других областях. Экспертное знание воспринимается именно как знание каноническое и канонизированное, поэтому тотальное, в сравнении с которым несовершенны и наш язык, и наш опыт. Но именно коллективная реализация нашего опыта «разделяемого знания» превращает те зазоры и недосказанности, которые остаются вне осуществленного идеала экспертного знания, в признаки предательства и заговора.

Можно сказать так: ошибки в традиционной энциклопедии воспринимаются как результат недоделанных, незавершившихся или несвершившихся процедур. Каждая из этих процедур сама создает правила своей экспертизы, поэтому провал данной процедуры не выглядит как провал текста, но только как недостаточное участие в создании произведения. Например: заболел и был невнимателен корректор, страна не подготовила достаточное количество специалистов и т. д. После этого могут быть приняты меры, которые переводят политические вопросы в процедурные. Именно так и создавалось гуманитарное знание до недавнего времени: чтобы политические процедуры совершались безупречно, нужны грамотность, исторические знания и другие элементы бытия социально-политической речи, которые дает только гуманитарное знание. Ошибка «Википедии» же воспринимается не как сбой в процедуре, который необходимо решить через перевод всего режима производства знания в модус изобретения и контроля процедур, но как сама процедура производства независимой речи. Ясно, что если все истинное знание есть знание «разделяемое», то производство неразделяемого знания всегда есть случайность и сбой. Любое утверждение вне работы механизмов верификации через «очевидность», через «и так всем известно» будет рискованным и по факту, и по уместности. А значит, ошибки, как результаты социально незначимого знания, будут накапливаться. Те из них, которые кажутся «уместными», «правдоподобными», и будут замещать правду. Мы возвращаемся к классицистскому представлению о правдоподобии как идеальном подражании, которое снимает противоречие между правдой и вымыслом. Только если в классицизме это было результатом некоторых представлений о подражании в природе, внушенных тогдашней культурой, то теперь это результат той работы селекции, которую предположительно выполняет сам механизм безличной речи.

Если мы обладаем вкусом и строим свою речь на этой основе, то предположительно наделяем вкусом любую речь. Тогда как если все наши знания оказываются общим достоянием, залогом нашего общего производства правдоподобного мнения, то сама речь осуществляет свой вкус, выделяя зону повышенной достоверности, а все, что вне ее, вместе с нами обращая в предельную недостоверность. Тогда, действительно, отличие подлинного от неподлинного уже не производится, но оказывается частью уже осуществившегося производства. Очевидных следов этого производства уже нет, поскольку каждая вещь кажется очевидной именно тогда, когда перестала быть фактором производства и фактором привлечения информации. Поэтому, опять же, «правдоподобную» и «уместную» фальшивку все принимают за подлинное.

Выход из этой ситуации, который мы и называем экологией сознания, представляется следующим. Во-первых, сама категория правдоподобия должна быть пересмотрена, очищена от пространственных метафор. Ведь, как мы выяснили, механизм производства фальсификаций запускается именно жестким разделением на зоны сбывшегося подлинного и несбывшегося неподлинного, которые служат не просто когнитивным ориентиром, но интеллектуальным обеспечением социального существования. Во-вторых, необходимо вновь вернуть в игру «время», оказавшееся забытым в режиме производства «Википедии», — никто не следит, когда появилась какая информация. Вообще равнодушие к датам поражает: за события сегодняшнего дня в интернет-коммуникации принимаются события многолетней давности, поскольку никто не обратил внимания на стоящую в файле дату. Это, опять же, не просто результат бытовой невнимательности, а особенности функционирования текстов в Интернете — они выступают не вехами опыта, но механизмами заполнения когнитивных пробелов; а та дистанция, которую раньше создавала верификация фактов «со временем» («время все расставит по местам»), заменена постоянным позиционированием мнения. Поэтому нужно исследовать «время мнения» как условие существования любого сетевого высказывания. Например, спрашивать, рассчитывалось ли это высказывание на краткое или долгое функционирование вне зависимости от того, какие пробелы в общем или экспертном знании оно заполнило.

И наконец, третье, что необходимо, — расстаться с идеализацией некоторого состояния сбывшейся истины, в котором аргументированность и «очевидность» совпадают. Ведь именно отсчет от этого состояния в когнитивном опыте приводит либо к признанию «меньшей очевидности» повседневного в сравне-

нии с «научно аргументированным», либо к пониманию аргументации как исключительно социального действия. Причем такое социальное действие понимается не как моральный выбор, а как тоже своеобразная очевидность, но определяемая негативно, как узкий спектр социальных или политических решений в сравнении с широким спектром когнитивных оценок. Нужно работать против той былой «классицизирующей» идеализации, именно чтобы расширить спектр социальных решений, а когнитивные оценки сделать более строгими отметками за совершенные действия.

REFERENCES

- Nancy J.-L. *La communauté désœuvrée*. Paris, Christian Bourgois, 1983.
- Uvarov Pavel, ed. *Vsemirnaia istoriia: v 6 t.* [World History in 6 vols.] Moscow, Nauka, 2002, t. 2, *Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka* [The Middle-Ages Civilizations of the West and the East].